

Курехин сегодня мрачен

Музыкант, актер, шоумен Сергей Курехин — фигура сколь привлекательная для публики, столь и пугающая для журналистов. Никто не может похвастаться “эксклюзивом” этого человека, обманывающего с

обаятельной улыбкой. Обманчиво все — от внешности (он много лет выглядит на 30) до удовольствия, с каким он вляет дурака в глазах окружающих. Курехин умеет с обезоруживающей правдивостью в нечеловечески сияющих глазах развить любую самую фантастическую теорию (всем памятна его блестящая импровизация на пару с Сергеем Шолоховым о том, что Ленин был грибом). Его музыка, от которой морщатся профессионалы, звучит

во многих фильмах, создавая ему (вместе с другими сочинениями и концертными выступлениями) сомнительную славу чуть ли не единственного известного в народе питерского современного композитора. Актерский дебют (“Пох — победитель воды”) вызвал восторг поклонников и недоумение жюри на сочинском фестивале, где фильм был показан в разделе “Кино для всех”. Небесспорный в любом из своих артистических проявлений, Курехин являет собой предмет искусства сам по себе.

(Окончание на стр.5)

“Московские новости”, воскресный выпуск

1995. - 19-26 марта

(Окончание. Начало на стр. 1)

Два года под разными вежливыми предлогами вы отказывали мне в интервью...

— Дело в том, что вы тогда попали в период, когда общение с прессой вызывало у меня отвращение. Это не касается вас, вы не подумайте!

— Так что изменилось?
— Просто у меня произошел взрыв социальной активности, простите за пошлое словечко, где-то в сентябре и идет до сих пор. Но я чувствую, что он идет на убыль, и очередной раз я постараюсь быть еще более молчаливым.

— Значит, это последнее интервью?
— Близко к этому. Потому что мне это все внушает отвращение своей бессмысленностью. Мне во всем нравится видеть какой-то смысл, зачем что-то делается. Давать интервью — это значит говорить о чем-то. Что-бы что-то говорить, надо что-то хотеть сказать. Поэтому когда не хочешь ничего сказать, а говоришь, это бессмысленно.

— Мне кажется, вы человек, не реализованный до конца ни в одной из своих богатых ипостасей: как бы композитор, как бы шоумен, как бы актер... Вас это не угнетает?

— Наоборот, мне это доставляет огромное удовольствие. Если взглянуть с точки зрения традиционного искусства, то да, действительно. А с другой стороны, потихонечку функционировав во всех этих областях, в определенных моменты можно будет сказать, что реализовал себя во всех, вместе взятых. Потом, это зависит от того, чего хотеть. Я совершенно не хочу быть актером, просто интересно было проверить кое-какие вещи для себя, что я смогу делать перед камерой, что не смогу. И во всех областях то же самое. Ко всему надо прилагать критерий, соответствующий какому-то явлению, а не просеивать критерии из другой области. На меня нельзя смотреть с традиционной точки зрения как на актера, режиссера или кого-то еще, потому что это все неверно. Надо смотреть с другой точки зрения...

— С какой?

— А вот я вам не скажу! Я вообще к искусству отношусь сугубо отрицательно, для меня это полная бессмыслица и пустая трата времени. С этой точки зрения у меня даже мысли не возникает реализоваться.

— Это у вас новое опупение или вы с ним давно живете?

— Нет, уже довольно давно.

— Зная сугубую бессмысленность всех этих занятий, вы тем не менее в них участвуете. Для чего?

— Когда я начну говорить, я буду говорить банальные вещи, ничего? Поскольку я лингвист, меня всегда интересовало функционирование языка, а язык искусства наиболее странный, наиболее соответствует моему принципу делать ложные заключения из верных предпосылок. Поэтому это язык, который достаточно для меня интересен. Я всегда очень интересуюсь тем, что в языке происходит, и всегда мне это доставляет радость, если я чувствую, где происходит разрушение логики.

— Вы пускаете в народ ложные вещи, они обрывают слухами, живут самостоятельной жизнью... Вы мистификатор?

— Я называю это созданием новой мифологии. Она подчинена совершенно конкретной цели и работает в одну точку. Другое дело, что она еще как бы не выражена, точка не ясна, но она подчинена какому-то внутреннему смыслу.

— Когда эта мифология становится общим местом, все ее признают, вам же все время приходится поворачиваться-выворачиваться, чтобы придумать что-то новое. Куда сейчас вы вывернулись? Сейчас все разговаривают, как вы...

— Я знаю, конечно, я прекрасно это чувствую. Теперь нужна позитивная идея, которую я в себе вынашиваю. Знаете, как происходит в русских народных сказках — сначала окропишь мертвой водой, чтобы все срослось, потом живой. Нельзя сразу окропить живой водой, будет слишком сильный удар. Это остатки постмодернизма, я прошу прощения, я еще как бы делаю себе скидку, но в определенный момент я почувствую, когда нужно прекратить, и прекращу. Для меня самое главное сейчас, самое интересное — идея государства. Все остальное для меня ушло на второй план.

Последние годы я большой акцент делал на эротический элемент — все, что связано с Эросом. Меня же все явления интересуют на уровне эстетики. Сейчас я в этих идеях настолько уже не ощущаю. Это мне совершенно ясно и малоинтересно. Поэтому меня интересует только идея государства. Все, что я читаю, думаю, что я буду делать, будет подчинено идее государства в позитивном ее выражении.

— В чем эта идея?

— Я пока занимаюсь накоплением в себе традиционных вещей: дуализм государства, дуализм функций его возникновения... В этом мало интереса для интервью, честное слово!

С
Т
И
П
Ж
И
З
Н
И

Курехин сегодня мрачен

На репетиции “Чайки”. Сергей Соловьев, Сергей Курехин, Николай Губенко.

Это находится в стадии разработки. Как только все это во мне уляжется, как только можно будет об этом говорить, это примет такую уродливую форму, я вам обещаю, в словесном выражении... Будет построена вербальная конструкция, которая внутренне будет соответствовать, но будет выглядеть нетрадиционными словами...

— Вы сказали, что изживаете постмодернизм.

— Я считаю, что я уже изжил. Это просто остатки лексики.

— Вы считаете, что это явление конечное?

— Постмодернизм? Он выполнил свою функцию. Он был необходим, вполне естествен. Сейчас это вызывает тихий ужас, особенно в искусстве — его так много! Две вещи сейчас надо выбросить из искусства — постмодернизм и сталинскую тему. Она просто начинает вызывать раздражение. Такое ощущение, что все подсознательно чувствую, что это была идеальная модель государства и как бы ассоциируют сталинизм с эстетикой. Я посмотрел фильм Никиты Михалкова — опять любовная история происходит на фоне эстетики сталинизма. Любование сильным централизованным государством, и от этого нигде не деться. Даже те люди, которые ругают это, которые это не принимают, находятся под влиянием этой эстетики. “Серп и молот” я посмотрел... Любый фильм, в котором появляется сталинская эстетика, у меня вызывает просто недоумение. От этого надо избавиться, это просто необходимо, потому что это очень тяготит развитие, подсознательно это сидит в людях и тяготит.

— Я вас правильно поняла, что увлечение сталинской эстетикой вызывает у вас раздражение?

— Немного не так. Эстетика сильного государства — это эстетика красивого государства. Обратите внимание — мундиры, вождь... сталинская эстетика — сложившаяся, замкнутая в себе — дала полностью свой идеал, свой символ. О ней можно писать книги, изучать отдельно как существующее независимо от всего явление... Я говорю о том, что, пока будет происходить любовование сталинской системой, сталинским государством, эстетикой тоталитаризма, у людей не появится возможность конструировать внутри себя идею другого государства, с другими законами, другой основой, другим базисом, другой идеологией, другим смыслом... со всем другим. Бессмыслица будет продолжаться до тех пор, пока идеологическая основа не сменится.

— Вы пытаетесь понять это для себя или постараетесь найти этому применение?

— Нет, мне это нравится, это для меня игра. Я не пытаюсь для себя что-то уяснить. Мне и так все ясно. Для меня это просто игра с материалом. Я называю это своей работой. Работой люди называют разные вещи...

— В частности, то, что приносит деньги. А что вам их приносит?

— Музыка для кино и концерты. Это основа моего финансового существования. Но это имеет отношение к жизни, а к мышлению имеют отношение совершенно другие вещи.

— Вы — одинокий человек? Я имею в виду не в бытовом смысле, конечно...

— Я не нуждаюсь в общении по большому счету. У меня есть семья, которую я очень люблю, трое детей, сейчас еще внук родился, так что у меня семейных забот хватает. Дома я чувствую себя очень комфортно и самодостаточно. У меня есть несколько друзей, то есть люди, с которыми я чаще всего общаюсь, либо мы выпиваем, либо просто болтаем, то есть общение с которыми доставляет мне большое удовольствие. Но я спокойно могу быть один.

Общение может быть, а может не быть. А потом, я книги очень люблю. Я с детства читаю книги, и мне это заменяло многое раньше, и сейчас заменят до сих пор. Я лучше перечитаю Стерна, чем пойду на вечеринку.

— Вас не огорчает то, что вы как бы законсервировались в образе мальчика и никто вас взрослым человеком, тем более дедом не воспринимает? Вы как бы живете не в своей возрастной плоскости...

— Может быть, да... Мне нравится, что происходит некоторая неадекватность. Мне очень нравится, что внешность не соответствует тому, кем я хочу быть. Я максимально это культивирую и стараюсь, чтобы отрыв был еще больше. Потому что когда многие говорят: “Курехин — ну, это поп-музыка, это поп-музыкант”, это такие вещи, которые мне так нравятся! Я постараюсь скоро вообще походить на такого поповского персонажа. Тем больше будет несоответствие, когда я буду излагать кое-какие вещи, будет просто невозможно идентифицировать одно с другим.

— Вас позабавило, что вас называли поп-музыкантом. Вы себя сами как-то определяете?

— Нет! Я себя определял до последнего времени — я себя называл в шутку психоаналитиком. И даже не в шутку. И когда меня спрашивали по поводу кинематографа, почему я работаю с режиссерами, причем с разными и совсем отличными друг от друга, я всегда говорил о том, что для меня режиссеры — это пациенты, я как врач. Мне всегда интересно было узнать, что заставляет этих людей снимать кино, потому что это само по себе явление нездоровое — желание снимать кино.

— Надо ли расценивать вашу музыку как фильм как диагноз?

— Нет, конечно! Я честно стараюсь помочь режиссеру. Можно сказать, что у меня нет собственного творческого лица, я только рад буду, если так скажут. Я наоборот стараюсь поддержать идею режиссера и максимально воплотить ее в жизнь, потому что у меня нет своих собственных идей в искусстве и быть не может, поскольку это область, которая меня не совсем интересует.

— Вашу киномузыку тоже часто восприни-

мают как “уже слышанную”. Как вы к этому относитесь?

— Положительно. Я этого добивался давно, и у меня было ощущение очень важное, которое я старался передать, — это когда человек слышит, скажем, вальс и говорит: “Ой, черт, знакомо, где я это слышал?” Он никогда не вспомнит этот вальс, потому что его придумал я, но ощущение ранее слышанного и хорошо знакомого должно присутствовать. Иначе я не смогу передать стиль. Сейчас я писал музыку к фильму Виктора Сергеева — там нужно было передать очень простую мелодию. Мне кажется, получилось удачно — все говорят, что они ее слышали, но никто не может сказать где. Я провозился с ней очень долго, месяц эту мелодию вынашивал и продумывал, как ее сделать. Она состоит из элементов, которые хорошо знакомы — не то что они откуда-то, но по структуре своей очень многое напоминают. Потому что если писать просто музыку саму по себе, помогающую какой-то сцене, то она становится никакой и сама по себе существует как нечто, не несущее за собой никакого стиля. Поскольку это все-таки киномузыка (когда я пишу другую музыку, она принципиально отличается), то мне очень важно, чтобы она несла в себе элемент внемусыкальный. Не музыка сама по себе, как характер, а чтобы еще цепляла какую-то область жизни или воспоминаний и давала бы еще одно дополнительное измерение.

— Сколько вы себя ощущаете модным человеком?

— Модный человек — это человек, на которого обращают внимание средства массовой информации, которого можно часто видеть по ТВ...

— Какой является неким знаком. Его присутствие или отсутствие становится неким знаком.

Я стараюсь от этого уйти, как только чувствую, что это становится возможно. До сих пор мне это удавалось. Сейчас, например, я чувствую наплыв — из Москвы очень много предложений что-то устроить, что-нибудь сделать. Я постараюсь этого избежать, потому что для меня это уже неинтересно. А если мне нужно будет выступить, я выступлю в Ленинграде.

— Не первый раз я вас слышу “гонимые на Москву”, которое вообще притянуло питерцам. Вас Москва раздражает?

— Наоборот! Я же москвич, как она может меня раздражать? Я вырос в Москве. Просто я сознательно культивирую в себе Петербург, хотя мне это не нравится, я хочу говорить “Ленинград” — город, у которого пять имен, не имеет подлинного имени.

— Так в чем разница между Питером и Москвой?

— Мне нравится, когда город постоянно умирает, потом происходит какой-то жидкий всплеск, а потом он продолжает умирать. Иногда бывают всплески длительные, иногда — очень короткие, но Ленинград будет всегда давать всплески. Москва всплесков не дает, в Москве другой закон жизни. Там все идет на пределе — на кульминации, на динамике, на экспрессии, на деньгах... И идет на ровном, очень высоком, очень уверенном уровне. Невозможно развитие, если вы находитесь все время на вершине эмоций, экспрессии. Развитие возможно тогда, когда все это идет вяло, вяло, а потом — раз! — есть куда скакнуть.

— Люди от вас всегда ждут, что вы сейчас начнете искрить, шутить, обманывать... Вам не надоело все время включаться в это ожидание?

— Нет, нормально. С другой стороны, я не оправдываю этих ожиданий. Тем не менее я поддерживаю уверенность, что это должно произойти. Это стимулирует творческий процесс, желание работать.

— Вы мрачный человек по натуре?

— Нет, очень веселый. По-моему. Это вам я дал мрачное интервью. Была такая задача внутренняя. Обычно я таких вещей не говорю — вы же понимаете, что у меня озабоченное оторвано от озабоченного и то, что я говорю, не имеет ко мне никакого отношения. И то, что я вам говорил сегодня, я не только не чувствую, и не думаю. Просто рождается какая-то тема, потом мне очень важны слова. Вы же не можете судить о том, что у меня происходит внутри, потому что я говорю разные вещи. Непонятно будет, сегодня я говорил правду или нет. Я встречался недавно с астрологом, и он мне пересказал несколько популярных брошюр на тему того, что я Блинец, и из этого дуализма мне никак не выйти. С его точки зрения, все верно. Но можно выработать другую точку зрения, и то, что он говорил, будет предельной ошибкой. Блинецны на самом деле совсем другие. То, что они говорят, верно только на начальной стадии, до того момента, когда Блинец начинает это понимать сам. А потом есть область интимного, которую я очень ценю и в себе культивирую. Оно невыразимо и перестает быть интимным, если я начну о нем говорить. Есть вещи для меня важные. А говорить можно все что угодно.

Елена ВЕСЕЛАЯ